

ГЛАВА 5. ПРОШЛОЕ

Отправив Юзуру домой, Такая дождался перемены после пятого урока и пошёл в кабинет первого «Д» выполнять данное ему поручение. Поймав у дверей проходящего мимо школьника, он попросил позвать Хатаяму Сатоси.

— Да?

На лице Хатаямы, когда тот вышел в коридор, явственно читалось недоумение. Такая взгляделся в него повнимательнее и мысленно кивнул: действительно, волосы мягкие как шёлк, кожа белая, глаза светло-карие — слишком светлые для японца. Фигура у него была ещё довольно детская, так что он вполне мог сойти за ученика средней школы.

Такая без церемоний сунул ему папку с нотами и сказал:

— Вот, это от Юзуру. Всё, я своё дело сделал.

— Юзуру — это Нарита-сэмпай? Его не было на дневной репетиции — что-то случилось?

— Ему плохо стало, он домой пошёл. Судя по всему, завтра тоже под вопросом.

— Вот как...

Не скрывая огорчения, Хатаяма перевёл взгляд на папку с нотами. Наблюдавшие за ними ребята о чём-то тихо шептались. Такая, надо сказать, был среди них личностью довольно известной. Пришедшие из той же средней школы, разумеется, знали, кто он такой; остальным для опознания хватало следующего описания: «угрожающего вида сэмпай из второго класса». Ни в какие кружки и секции Такая не ходил, и с младшеклассниками поэтому не пересекался, — тем более странно было видеть его здесь, у дверей кабинета первогодок, да ещё и беседующим с недавно поступившим отличником из приличной семьи. Наблюдателей это, похоже, навело на неправильные мысли. Такая стрельнул в шушукающихся взглядом, а потом услышал голос Хатаямы:

— Оги-сэмпай?

— А?.. Ты что, знаешь, как меня зовут?

— Да, мне Нарита-сэмпай о вас рассказывал, — улыбнулся тот, ни капли не смущаясь. — Вас все боятся, но, я думаю, они это зря. Вы участвуете в разборках? Дерётесь с учителями, бьёте школьные стёкла?

— ...Что ты хочешь этим сказать?

— А, нет, ничего... Просто мне вы кажетесь сильным человеком.

Прищурившись, Такая посмотрел на него сверху вниз. В словах Хатаямы не чувствовалось злого умысла, однако храбрости этому парнишке было не занимать.

«А может, просто дурак...»

— Мы только на прошлой неделе переехали, и так получилось, что я и Нарита-сэмпай живём по соседству. Может, сходим потом вместе проведать его?

Где-то Такая уже слышал эту вводную.

— Не, не могу, дела, — ответил он после паузы.

— М-м... Жаль. — Хатаяма поджал губы. — Я-то думал воспользоваться случаем и спросить подробнее про историю с призрачными воинами.

Такая вздрогнул.

— Что?

— А... — Хатаяма разубеждающе помахал рукой¹. — Да нет, я просто слышал, что расправились с ними именно вы.

— Юзуру тебе рассказал?

— Ага.

Такая про себя усомнился в том, что Юзуру стал бы обсуждать это дело с посторонними, а Хатаяма между тем продолжал:

— Вы ведь, наверное, тоже слышали? В школе в последнее время часто появляются призраки.

Такая не мог ему сказать, что буквально только что столкнулся с одним из них нос к носу,

¹ Характерный японский жест, обозначающий отрицание или разубеждение. Часто используется в контексте «нет-нет, ничего такого».

поэтому вместо ответа просто почесал затылок.

— Все их боятся, и я подумал: если тогда всё так и было, как рассказывал Нарита-сэмпай, то надо вас обязательно привлечь к делу.

— А ты что — прям веришь?

— Я верю, да. — Такае почудилось, что губы Хатаяма на мгновение изогнулись в непонятной усмешке. — По-моему, тут нет ничего невозможного.

«Хм... какой-то этот парень странный...»

Что-то вдруг заставило Такаю насторожиться, но прежде, чем он сумел копнуть глубже, Хатаяма непринуждённо рассмеялся и сказал:

— У нас в клубе концерт на следующей неделе. Я тоже буду выступать — приходите!

— А... ладно... — Поддавшись настроению собеседника, Такая сам не заметил, как согласно кивнул. Хатаяма поблагодарил его с дружелюбной улыбкой и вернулся в класс. Оглянувшись разок ему вслед, Такая сунул руки в карманы и зашагал обратно.

«Странный тип...»

А после уроков в школе Дзёхоку — впервые с тех пор, как в её стенах началась необъяснимая потусторонняя активность, — появились пострадавшие.

* * *

Случилось это в южном корпусе, в коридоре третьего этажа. Оконные стёкла внезапно вылетели, засыпав осколками группу бейсболистов. Ребята серьёзно пострадали: всех увезли на скорой и в больнице им пришлось накладывать швы. По словам врачей, лечение до полного выздоровления должно было занять три-четыре недели. Никаких прилетевших в окна камней или других объяснений разбитым стёклам найти не удалось — учителя не знали, что и думать.

Но в среде учеников вину за произошедшее молва однозначно возложила на привидения. Свидетельства очевидцев тоже нашлись.

Один из учеников, который был в коридоре и видел случившееся своими глазами, рассказ свой закончил так: рядом с группой пострадавших, как раз тогда, когда их засыпало осколками, стоял окровавленный мужчина в белых погребальных одеждах, с пучком магэ на затылке.

Такая обо всём этом узнал на следующее утро — и уже не смог оставаться в стороне. Он решил, что пора прибегнуть к помощи Наоэ и Аяко.

* * *

— Действительно, энергия усиливается день ото дня.

Все они собрались на пустынной крыше северного корпуса: Наоэ, Аяко, Такая — а ещё позвали Саори как источник полезных сведений.

Наоэ огляделся по сторонам, сложив руки на груди.

— Похоже, что последние несколько дней здесь собираются души умерших. Когда я приезжал месяц назад, ничего подобного не было.

— И обычные люди видят их невооружённым взглядом — это плохо. — Среди всех присутствующих Аяко выглядела наиболее мрачно. — Ладно бы они просто тут обретались, но они причиняют людям вред. Я думаю, надо с этим что-то делать.

— Может, это вы их призвали? — проговорил Такая, прислонившись к заграждению. — Оно же всё началось как раз после вашего приезда.

— ...Нет, позавчера уже всё было сильно плохо.

— Слишком странное совпадение.

— Да, возможно...

Наоэ слегка прикрыл глаза. Его органы чувств улавливали ещё и нечто другое, по другому поводу... Это было связано со второй причиной их нынешнего визита в Мацумото, но пока он до конца не разобрался в ситуации — с Такаей было рано об этом говорить.

— В любом случае сначала нужно понять, кто эти призраки, иначе дело не сдвинется. Вы что-нибудь слышали от учеников, которые с ними столкнулись?

— Одного я сам видел — призрак молодой женщины. — Такая повернулась к Саори за поддержкой. — Они же разные бывают, да? И старики, и дети?

— Ага, но у всех есть нечто общее.

— Да? И что же? — спросил Наоэ.

— Белые одежды, — пояснил Такая. — Я поспрашивал среди друзей. И мужчины, и дети, и женщина эта вчерашняя — причёски у всех, как носили в эпоху Эдо, и большинство одеты в белое. Обычно все в крови и... да, есть кое-что ещё.

— Что?

— Это мне тоже друг рассказал. Однажды в пустом музыкальном кабинете он слышал, как человек кричит.

— В смысле — чьи-то вопли?..

— Нет, не вопли... Как там было, Морино?

— «Два то пять сё».

— «Два то пять сё»?

— Да, мужской голос выкрикивал эти слова.

— Что это значит? — спросила Аяко, повернувшись к Наоэ.

— Два то... Два *то*, пять *сё*? Единицы измерения риса в эпоху Эдо?

— В общем, слышали там голос, выкрикивающий отчаянно «Два то пять сё! Два то пять сё!», — продолжила Саори свой рассказ. — И знаете, это один в один совпадает со страшилкой, которую рассказывали в моей средней школе. Я прямо удивилась.

— А можно поподробнее?

— Э-э... Короче, средняя школа у меня была не простая. Говорят, её построили на месте казни...

И вот что рассказала дальше Саори.

Школу построили примерно сорок лет назад и во время стройки, когда готовили грунт под фундамент, наткнулись на массовое скопление человеческих останков. Со строителями потом начали приключаться всякие несчастья: странные болезни, несчастные случаи... После того как провели заупокойный обряд, всё мгновенно прекратилось, заболевшие выздоровели. Всё это послужило поводом для исторических изысканий, в результате которых выяснилось, что на этом самом месте казнили предводителей так называемого восстания Касукэ, произошедшего в Мацумото в начале эпохи Эдо, в третьем году Дзёкё (1686).

— Восстание Касукэ?.. — переспросила Аяко.

Такая, сдвинув брови, кивнул.

— Я слышал об этом. Мы и в младшей школе проходили, и в средней — типа наша региональная история. Кажется, они требовали уменьшить рисовый оброк. Десять тысяч крестьян собралось под стенами замка Мацумото.

— Мацумото-хан... А, да. — Наоэ тоже кивнул, припоминая. — Беспорядки во время правления Мидзуно.

Провинция Мацумото испытывала тогда трудности с финансами, которые попыталась сгладить, увеличив крестьянский оброк. Изначально размер подати в Мацумото был три то шелухёного риса (количество, которое требовалось получить после обработки одного бушеля риса в шелухе), но в третьем году Дзёкё ставку подняли до трёх то пяти сё. Крестьянам, которым и раньше жилось несладко, деваться стало совсем некуда, и они начали открыто высказывать недовольство безжалостной политикой властей.

Во времена, когда всеобщим стандартом налогообложения считались два то пять сё, увеличение ставки до трёх то пяти сё было попросту жестоко. С требованием отменить повышение оброка выступили деревенские старосты под предводительством Тады Касукэ из деревни Накагая. Четырнадцатого октября означенного года они выдвинулись в город, чтобы обратиться к властям, и одновременно с этим в их поддержку из каждой деревни выступили крестьяне с тямками и пожарными крюками в руках — так, что под стенами замка собралось в итоге целых десять тысяч. Провинция никогда ещё не видела подобных волнений.

— И большие шишки испугались и согласились выполнить требования, так?

— Да, но главная цель у Касукэ и его товарищей была возвращение к стандарту в два то пять сё. И на это власти вроде как тоже согласились.

— Тогда, получается, всё, победа?

— Увы, нет...

Успех был кратковременным. Власти вскоре отказались от своих обещаний, взяли зачинщиков под стражу и приговорили к смертной казни, причём не только предводителей, но и членов их семей. Касукэ и его товарищей казнили на кресте, их отрубленные головы выставили на всеобщее обозрение, а тела использовали для проверки качества мечей.

Эта ужасная расправа, скорее всего, имела показательную цель, но подобное обращение с невиновными было слишком жестоко даже по тем временам. Власти не только не выполнили того, что пообещали людям, но и казнили их всех.

Согласно поверью, погибший на кресте Касукэ перед самой смертью бросил ненавидящий взгляд в сторону замка Мацумото, в котором после этого покосился донжон (до ремонта главная башня в самом деле стояла под видимым глазу углом). И до последнего своего часа на эшафоте Касукэ, глядя на виднеющийся вдаль замок, кричал: «Два то пять сё! Помните! Два то пять сё!»

История о трагическом конце Касукэ и его товарищей дошла до наших дней в виде «Сказания о праведниках Мацумото»².

— Два то пять сё... Теперь понятно, что это значит.

— Да... — Саори, расчувствовавшаяся в процессе собственного рассказа, шмыгнула носом. — Так вот, место казни — как раз и есть моя средняя школа, и там иногда слышат, ну, знаете... как Касукэ-сан кричит: «Два то пять сё!» И привидения в белом тоже, кажется, кто-то видел. В общем, всё один в один.

Наоэ задумчиво помолчал, приставив руку к подбородку.

— Понятно. С «два то пять сё» разобрались, но почему голос Касукэ слышат в этой школе?

— Да, странно, — подхватила Аяко. — Допустим, призраки в белом — действительно духи казнённых во время восстания Касукэ, но эта школа здесь вообще ни при чём. Ничего такого ведь раньше здесь не было?

— Не было.

— С точки зрения видовой принадлежности это, скорее всего, духи-на-привязи. Не может такого быть, чтобы они взяли и снялись с места безо всякой причины.

Духи, чья ненависть в больших количествах осталась на месте гибели, а также те, кто уже лишились объекта ненависти (им может быть человек или предмет), обычно привязаны к земле и не передвигаются просто так. Для этого необходим толчок — большая притягивающая сила.

Что именно могло их сюда призвать?

— Да, непонятно. В любом случае сперва надо убедиться в том, что это действительно духи погибших во время восстания Касукэ.

— Тогда — ментальная разведка, — сказала Аяко. — Саори-сан, проводишь нас до своей средней школы?

— Что?.. — Саори вдруг заволновалась. — Я?.. Буду провожать?.. Наоэ-сана?.. О нет... Я... О нет...

— Вы сейчас заняты?

— Нет! Не в этом дело... Оги-кун! Как же быть!..

Саори, не переставая, хлопала Такаю по спине, и тот, закатив глаза, вместо неё ответил:

— Она имеет в виду: «Да, конечно, с удовольствием провожу».

* * *

Средняя школа, в которую раньше ходила Саори, располагалась у подножия горы Дзёдзан

² Яп. 松本の義民説話.

— одного из известных мест для любования сакурами в Мацумото — примерно в пяти минутах езды от их нынешней старшей школы. Через дорогу стояла красивая мемориальная плита — там похоронили найденные останки двадцати восьми погибших и для упокоения их душ воздвигли курган под названием Гиминдзука. Каждый год в годовщину казни Касукэ, его соратников и членов их семей люди из мемориального общества проводили здесь памятную службу.

— Приехали?.. — пробормотал Такая, вслед за остальными выходя из машины Наоэ.

— Никакой особенно плохой энергии я тут не чувствую. Пройдём к могиле?

И они направились вглубь территории. Там их взглядам предстала скромных размеров площадка, где позади ограды и маленького святилища возвышалась полукруглая могила. Царившую вокруг тишину нарушало лишь пение птиц.

— Значит, это и есть Гиминдзука, где покоится прах Касукэ и его товарищей, — проговорила Аяко.

— Харуизэ, — поторопил её Наоэ.

Аяко кивнула и, усевшись на землю в позе лотоса, закрыла глаза и расслабила плечи. Делая медленные вдохи и выдохи, она отбросила посторонние мысли и сфокусировала сознание. В лице появилась отрешённость. Под напряжёнными взглядами своих спутников она приступила к ментальной разведке.

Всё замерло вокруг, лишь щебет птиц просачивался вместе с солнцем сквозь листву. Со стороны школьной спортивной площадки долетали детские голоса и удары мяча. Такая, Саори и Наоэ, стоя позади, молча наблюдали за Аяко, которая сидела с закрытыми глазами и не шевелилась.

Её молчаливая фигура была олицетворением сосредоточенности. Все её чувства были сейчас направлены на то, чтобы уловить следы эмоций, оставленных в земле людьми минувших лет, отыскать возможные признаки присутствия неупокоенных духов.

Ни малейшего дуновения ветра, только время не стояло на месте, мерно отсчитывая секунды.

Прошло минут пять, прежде чем Аяко открыла глаза и, сделав глубокий вдох, вышла из транса.

— Закончила?

— Да.

— Быстро ты.

— Полную сосредоточенность невозможно удерживать дольше. — Аяко обернулась со следами усталости на лице. — Я попыталась отследить в обратном направлении отголоски эмоций. Здесь действительно место казни. Сильную ненависть они оставили после себя.

— А по душам что?

— Ничего. Ни Касукэ, ни других казнённых.

— Ничего? — переспросил Наоэ. — Они что, очистились?

— Нет, не очистились. Всё так, как мы и предполагали. Эманации потусторонней энергии совпадают с теми, что мы почувствовали в Дзёхоку. Духи, появившиеся в школе, в самом деле участники восстания Касукэ.

— Как это могло произойти?

— Я уловила отголоски ритуала, — ответила Аяко, поднимаясь. — Их кто-то недавно переманил.

— Что?

— О чём она? — не выдержав, спросил Такая, обращаясь к Наоэ.

— Есть специальный обряд по приманиванию духов. Это значит, что кто-то оборвал привязку и перенаправил души в другое место.

— Ничего себе!.. Так бывает?

Аяко с мрачным видом посмотрела на могилу.

— И это было не простое приманивание. Природа здешней потусторонней энергии, насколько я успела понять, сильно отличается от той злобы, что мы почувствовали в Дзёхоку. Здесь она скорее защитная. Искренние молитвы людей сделали из духов мщеница духов-хранителей. Но то, что они так резко сменили полюса, наводит на мысль о...

— О приманивании с внушением, — тихо подытожил Наоэ.

Аяко кивнула с суровым выражением лица.

— Плохо дело... — Наоэ приставил руку к подбородку, мрачней на глазах.

— Эй, а нам объяснить, желательнее попроще? Я ничего не понял из-за вашего профессионального жаргона!

Наоэ тяжело вздохнул, глядя на возмущённого Такаю. Пожалуй, именно в такие моменты потеря памяти доставляла больше всего хлопот.

— Иными словами, кто-то загипнотизировал Касукэ и остальных казнённых. Молитвы вернули душам сознание, и они стали духами-хранителями этой земли. Но кто-то с помощью внушения заставил их вспомнить прошлые обиды, превратив обратно в духов мщеника.

— Гипноз для призраков? Серьёзно?

— Вполне. — Наоэ прищурился. — Духи — тоже люди, только без физической оболочки, и ничем не отличаются от нас с вами. Просто у них на первый план выходят примитивные эмоции, они более импульсивны, что делает их более подверженными внушению. Особенно уязвимы обранные духи-хранители: у них негативные эмоции часто подавлены, спрятаны в глубине.

Такая молча слушал.

— И сейчас, насколько я понимаю, кто-то пытается использовать их ненависть и силу.

— Использовать? Для чего?

— Ну, — Наоэ нахмурился, помедлив с ответом, — какая-то цель определённо есть, раз не поленились провести обряд с внушением, чтобы заманить их в Дзёхоку.

— А что такого особенного в нашей школе?

— Почему именно эта школа... Неужели... — пробормотала Аяко и перевела взгляд на Такаю. — Неужели их цель... Кагэтора.

Такая не понял.

— Я имею в виду, что это ты.

Наоэ тут же вскинул голову. Саори тоже уставилась на одноклассника.

— Я? — вытаращилась Такая. — Почему я? Я тут вообще ни при чём!

— Происки кого-то из духов-генералов?

— Сложно сказать. Просто его возвращение на арену было таким грандиозным, что генералы не могли не прозвать. Для любого из них Уэсуги Кагэтора — смертельная угроза. Не удивлюсь, если кто-то захочет его устранить.

Действительно, среди участвующих в Усобице Духов генералов наличие требуемой для обряда силы было не редкостью. К тому же все они боялись изгоняющей силы Уэсуги, способной в принудительном порядке отправлять души на тот свет. Разумеется, возрождение Кагэторы — совсем не радостная для них новость.

— Ну что ж, — сказал Наоэ, окинув Такаю пристальным взглядом, — похоже, охотятся именно за вами, Такая-сан.

— Что? Нет, погодите!.. Я не согласен!..

— Оги-кун, я, пожалуй, забуду о нашей дружбе на время. Покойся с миром!

— Морино!

Дело оказалось сложнее, чем выглядело на первый взгляд. Если догадка Аяко верна, то привидения объявились в школе Дзёхоку из-за самого Такаи.

— Не то чтобы я мог предъявить вам какие-то доказательства. Стопроцентной уверенности нет, но...

Но выглядел Наоэ очень серьёзным — похоже, подобные опасения так или иначе посещали и его.

— Почему обязательно я? — сказал Такая, сощутив свои раскосые глаза.

— Пожалуйста, не надо искать виноватых. Рано или поздно это всё равно бы произошло — теперь, когда ваша сила пробудилась.

— Да не Кагэтора я, сколько раз...

— Не слишком ли поздно для подобных заявлений? Хватит прятать голову в песок.

Такая не нашёлся с ответом, и настроения ему это не добавило. А Наоэ уже переключился на другое:

— Однако кто бы это мог быть?..

— Кто-то обладающий приличной силой, раз он способен на приманивание с внушением...

Чтобы сузить круг подозреваемых, не помешала бы какая-нибудь зацепка.

Услышав это, Такая вздрогнул.

Зацепка.

Некто, подчинивший души казнённых и приманивший их в Дзёхоку.

И одновременно череда странных событий вокруг.

Неузнанный одноклассник, задуривший всем головы чем-то очень похожим на гипноз.

Гипноз...

Неужели...

«Чиаки?..»

— Такая-сан? — позвал Наоэ, заметив, что Такая как-то странно затих.

Тот стиснул кулаки и с силой поджал губы. Только не говорите, что Чиаки один из генералов! Но если так, то всё сразу встаёт на свои места: и незнакомец, проникший в школу, чтобы уничтожить Кагэтору, и странности в Дзёхоку, и зачарованные души крестьян.

— Наоэ...

— Да?

— Возвращаемся в школу. Пока ученики не разошлись.

— У вас появилась идея, как я вижу.

— Нужно провести кое с кем беседу. — Такая сердито уставился в небо. — Хватит ему безнаказанно пудрить людям мозги.

Наоэ бесстрастно наблюдал за Такаей, в чьём сердце уже зародилось чувство враждебности к новому однокласснику. Отметив это про себя, Наоэ слегка отвёл взгляд.

* * *

Безмятежная трель последнего звонка вносила лёгкий диссонанс в странную тягуче-тревожную атмосферу старшей школы Дзёхоку. Пока только Такая, Саори, Аяко и Наоэ знали, что напряжение было вызвано скопившейся злобой, порождённой духами Касукэ. Или быть может...

— Ты уверен, Наоэ? — Стоя рядом с «мерседесом», припаркованным у школьных ворот, Аяко не скрывала беспокойства. — Может, не стоило отпускать Кагэтору одного?

— Мы сами не знаем его целей. — Наоэ прикурил зажатую во рту сигарету, не выказывая особого волнения. — Наверняка у него есть какие-то свои соображения, учитывая способ проникновения. Если подойти к делу с наскока, можно наломать дров.

— Но Кагэтора, похоже, всё неправильно понял.

— Не без причины, согласишься. У нас есть проблема поважнее — найти настоящего виновника. Возможно, он уже где-то рядом. Хотя никак не возьму в толк, зачем ему понадобились эти духи.

Аяко тоже задавалась подобным вопросом. Было что-то зловещее в том, что образ противника оставался размыт.

— Конечно, духов можно использовать, чтобы атаковать, не задействуя собственные ресурсы, но ритуал по приманиванию сам по себе требует приличных затрат сил.

— Да, это кто-то уровнем выше среднего.

— Но что нам делать? Такими темпами придётся изгонять этих крестьян, чтобы защитить Кагэтору.

Наоэ помолчал, уставившись в асфальт.

— Ты права. После гипнотического воздействия хранители из них никакие. Вот если бы получилось его отменить...

Аяко скривилась:

— Идти к нему на поклон... Ты это предлагаешь?

— Наш противник очень силён, раз может провернуть обряд с внушением. Не уверен, что даже его способностей к гипнозу окажется достаточно.

— У-у-у, — простионала Аяко, схватившись за лоб. — Не успела я обрадоваться, что встретила Кагэтору, как объявился этот гнусный тип.

— Но теперь в смысле военной силы мы более-менее укомплектованы. Проблема только одна — господин Кагэтора. Ключевая фигура.

Именно это не давало Наоэ покоя. Сила Кагэторы лишь начала пробуждаться, была доступна ему не полностью, была нестабильна, а в данный конкретный момент он вообще ничего не мог. Сможет ли он воспользоваться ей, когда придёт время? Если нет, это будет очень плохо. Потому что от этого зависела его жизнь.

«Жизнь? Да чего она стоит!»

Наоэ вдруг вспомнил услышанные когда-то от Такаи слова — тогда они его порядком разозлили, и он сказал что-то едкое в ответ. Но теперь сам Такай уже начал понимать, что слова эти сделали круг и вернулись к нему бумерангом.

Что есть жизнь — для него, перерождённого?

«Этот человек, — Наоэ чуть опустил взгляд, — собирается шаг за шагом пройти через те же страдания».

В конечном итоге он не способен закрыть на это глаза... Если бы он только мог сказать себе «ничего не поделаешь» — и смириться, то страдать было бы не нужно, можно было бы избавиться себя от этого. Если бы он только мог решить для себя раз и навсегда...

«Стало ли тебе легче?..»

Наоэ вскинул взгляд к небу, где тяжёлые свинцовые тучи пытались подмять под себя белое здание школы.

Шанс на новое начало.

Возможно, именно Кагэтора желал этого больше всего. Но понимал ли он, что шанс на новое начало несёт с собой риск повторить прошлое, от которого он так стремился избавиться? Что существует опасность заплатить ещё более высокую цену? Или он всё прекрасно знал и сделал ставку на вероятность, потому что у него не оставалось выбора?

«Потому что ему не оставили выбора?..»

«Я не прощу тебя до скончания веков!»

Огонь тихонько шипел на кончике сигареты. Наоэ стоял нахмурившись, не поднимая глаз.

Он понимал, что сам загнал Кагэтору в угол своими терзаниями и сомнениями, своими уродливыми желаниями причинил ему боль. И это никуда не денется — ему самому не позволено будет об этом забыть. Его грех — нестираемое клеймо на душе. Когда к Кагэторе вернётся память, когда он вспомнит всё... Наоэ, наверное, больше не сможет быть с ним рядом.

И всё же, всё же...

Если удастся стать для него пристанищем — местом, где можно пролить слёзы... Хотя бы только этим, хотя бы на этот раз. Если удастся защитить — чтобы оно больше не повторилось...

«Что ещё я сейчас могу...»

Поднялся сильный ветер — и Наоэ закрыл глаза, словно кто-то вынес ему приговор.

* * *

Пустая пивная банка перекатывалась по бетонной поверхности крыши. Был конец учебного дня. Чиаки чуть склонил голову, уворачиваясь от ветра, и первым нарушил молчание:

— Так что за разговор?

Такая сверлил его взглядом. После возвращения в школу он, дождаввшись окончания урока, вызвал Чиаки сюда, и сейчас в его глазах была не просто настороженность, а откровенная враждебность.

— Чего ты добиваешься? — с нажимом спросил Такая.

Чиаки ответил безразличным взглядом.

— Добиваюсь?..

— Можешь не притворяться. На меня твои штучки с гипнозом не подействовали.

— Хм. — Чиаки нахально усмехнулся. — Что-то я не улавливаю — ты вообще о чём?

Такая грубо схватил его за ворот.

Касукэ — и всё ради того, чтобы меня...

— Тебя? — Глаза Чиаки откровенно смеялись. — Что, по-твоему, я собирался с тобой сделать?

Чиаки перехватил его запястье и сжал так, что аж кости скрипнули. Такая охнул и невольно разжал пальцы, державшие воротник.

— Сво... лочь...

— Не слишком ли это беспечно — вести переговоры с потенциальным убийцей? Ты прям как будто напрашиваешься.

— Значит, ты и правда!..

— Кончай истерику, — прервал Чиаки, и Такая проглотил готовые сорваться с языка слова. — За то короткое время, что мы не виделись, — продолжил Чиаки, обводя его безмятежным, как спокойные воды озера, взглядом, — ты успел превратиться в капризного сопляка. Ну, куда ты лезешь? Даже силой толком пользоваться не можешь, будешь лезть — тебя и в самом деле укошат.

— Чиаки... Ты...

— Сиди и не рыпайся, и дай им себя защищать, если тебе дорого это тело.

Такая смотрел на него, затаив дыхание.

«Кто это в самом деле такой?»

— Эх, — выдохнул Чиаки, словно у него внезапно испортилось настроение. — Судя по твоей роже, ты и правда ничего не помнишь. Хорошо устроился.

— Ты что, на моей стороне?..

— Хотя мне очень, очень не нравится подобная формулировка. — Чиаки смерил Такаю долгим изучающим взглядом и пробормотал: — Однако... Не думал, что у Наоэ хватит духа вот так взять и встретиться с тобой. С другой стороны, тридцать лет прошло... Типа всё, забыли?

— Что?.. — Такая захлопал глазами, но Чиаки, похоже, разговаривал с самим собой. Не удостоившийся ответа Такая скорчил недовольную мину.

И вдруг снизу раздался ужасающий грохот. Чиаки и Такая мгновенно обернулись.

Что это было?

— Прямо под нами... главный вход...

Такая пулей сорвался с места — Чиаки только и успел крикнуть ему в спину:

— Кагэтора!

Дурное предчувствие, от которого кровь стыла в жилах, грозило обернуться реальностью.